

24. См.: Отчет Главного Тюремного управления за 1909 год. СПб., 1911. С. 53.
 25. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5432. Л. 54.
 26. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5432. Л. 4.
 27. ГАТО. Ф. 331. Оп. 15. Ед. хр. 65. Л. 8, 12.
 28. ТФ ГАТО. Ф. 18 Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 108.
 29. Сборник циркуляров Цир. ГТУ № 14, 15 июня 1906 г.

Андрей Александрович ЧУКРЕЕВ —
 ассистент кафедры трудового и
 предпринимательского права
 Института государства и права
 ТюмГУ

УДК 347. 19

О СУЩНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

АННОТАЦИЯ. Эта статья о сущности юридического лица. Автор анализирует два основных научных подхода к природе юридического лица – «теорию юридической фикции» и «реалистическую теорию», исследует некоторые вопросы воли юридического лица и его вины. В заключение предлагается оригинальное определение понятия «юридическое лицо».

This article is about the essence of the juridical person. The author analyses two basic scientific approaches to the nature of incorporated person – «the doctrine of juristic fiction» and «the realistic doctrine»; he researches some questions of the will of juridical person and his guilt. In conclusion the author offers his own definition of the concept of juridical person.

Раскрытие сущности юридического лица является одной из интереснейших и в то же время сложнейших проблем юриспруденции, привлекающей уже несколько столетий пристальное внимание теоретиков права, цивилистов и представителей других юридических наук во всем мире. Однако до сих пор не существует адекватной общепризнанной теории, которая всесторонне бы объясняла природу анализируемого феномена [1, с. 103]. В этой связи научный поиск в данном направлении не теряет в обозримом будущем своей актуальности.

В рамках общепринятого в советской цивилистике понимания юридического лица как *реально существующего явления, обладающего людским субстратом*, выдвинулось три основные трактовки сущности государственного юридического лица: *теория коллектива* (С. Н. Братусь, А. В. Венедиктов, В. П. Грибанов, О. С. Иоффе, Г. К. Матвеев и др.), *теория государства* (С. И. Аскназий) и *теория администрации*, или *теория директора* (Н. Г. Александров, М. В. Гордон, Ю. К. Толстой). Несколько обособленно в трактовке соотношения юридического лица и его субстрата стояли *теория социальной реальности* (Д. М. Генкин) и примыкавшая к ней *теория организации* или *теория социальных связей* (О. А. Красавчиков, Б. Б. Черепяхин), а также *теория юридических средств* (Б. И. Пугинский) [1, с. 85-89; 2, с. 110-152; 3, с. 95-118; 4, с. 58-71; 5, с. 123-124].

Теория коллектива, фундаментально обоснованная А. В. Венедиктовым в известном труде 1948 года «Государственная социалистическая собственность», оказала определяющее влияние на развитие взглядов советских ученых относительно сущности юридического лица. А. В. Венедиктов писал: «Мы можем определить юридическое

лицо как *коллектив трудящихся*, осуществляющий предусмотренные законом, административным актом или уставом *задачи*, имеющий урегулированную в том же порядке *организацию*, обладающий на том или ином праве и в той или иной мере *обособленным имуществом* и выступающий в гражданском обороте от *своего имени* — в качестве *самостоятельного* (особого) носителя гражданских прав и обязанностей» [6, с. 657].

Однако сегодня применение методологических приемов теории коллектива, которые при решении определенных вопросов (например, статуса унитарного предприятия) могут быть достаточно эффективными, осложнено рядом факторов правовой действительности. Тем не менее, нетрудно заметить, что легальное определение юридического лица в п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса России (далее — ГК РФ) содержит признаки, используемые и в советском гражданском законодательстве: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [7]. Статья 23 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. закрепляла следующее определение: «Юридическими лицами признаются организации, которые обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитраже или в третейском суде» [8]. Вообще, на наш взгляд, подобным образом закрепляются не *сущностные признаки* юридического лица как субъекта права, а его социально-юридические *функции*.

Конечно, в современном определении нашло отражение признание в России *разнообразия и юридического равенства форм собственности* (п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 9, ст. 35, ст. 36 Конституции РФ; п. 1 ст. 1, п. 2, 3 ст. 48, ст. 209, ст. 212-215 ГК). Соответственно, признак «имущественной обособленности» наполнился новым содержанием. Так, одним из проявлений рыночных реформ стало дихотомическое деление российских юридических лиц на *коммерческие* и *некоммерческие* организации (ст. 50 ГК), которые (правда, лишь по общему правилу) отвечают по своим долгам собственным имуществом (ст. 56 ГК). Из сказанного следует существенная поправка к возможному сегодня применению теории коллектива — сейчас у юридического лица (прежде всего, коммерческой организации) помимо *работников* есть, как правило, *участники-капиталисты*, которые обладают, естественно, основными возможностями влияния (в собственных интересах) на волеобразование и волеизъявление своего юридического лица. Но дело здесь даже не в этом. В отечественном легальном определении понятия «юридическое лицо» традиционно закрепляется обязанность последнего обладать имуществом на определенном юридическом основании (титуле). Не ставя в рамках данной работы под сомнение необходимость указанного закрепления, подчеркнем, что таким путем устанавливается юридическая обязанность (и в то же время — право) как элемент правоспособности данного вида субъектов гражданского права. Соответствующий формальный признак — «имущественная обособленность» — не может, на наш взгляд, считаться *сущностным* признаком юридического лица, как, впрочем, и сходные с ним по природе признаки — «самостоятельности имущественной ответственности» и др., закрепленные ныне в п. 1 ст. 48 ГК. Вынесение этих признаков за рамки легального определения анализируемого вида субъектов права не повредит раскрытию сути «искусственной юридической личности».

Но самым «слабым звеном» в современном определении является рудимент рассмотрения юридического лица как «организации». Очевидно, такой подход был в советский период ограничен командной, административно-хозяйственной экономикой, но с переходом к рыночной модели в нашей стране он уже полностью реальность не отражает. Хотя здесь возникает еще и юридико-техническая проблема, — что понимать под термином «организация»? За неимением в ГК РФ определения данного поня-

тия и при неоправданном «равнодушии» к нему юридической теории, следует обратиться за помощью к специальной отрасли научных знаний — *теории организаций*. Один из ее зарубежных представителей Р. Х. Холл дает следующее определение: «Организация является коллективом с относительно идентифицированными границами, нормативным порядком (уставом), ранжированием власти (иерархией), системами коммуникаций и координации членства (процедуры); этот коллектив существует на относительно постоянной основе в окружающей среде и занимается деятельностью, которая обычно связана с набором целей; деятельность имеет результаты для членов организации, для самой организации и для общества» [9, с. 65-66]. Теперь ответим на вопрос — все ли юридические лица должны представлять собой организацию?

Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 66, п. 6 ст. 98 ГК РФ (п. 1 ст. 9 Федерального закона РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [10]), — *акционерные общества*, а также, согласно абз. 2 п. 1 ст. 66, п. 1 ст. 87 (п. 1 ст. 2 Федерального закона РФ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [11]), п. 1 ст. 95 ГК РФ, — *общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью* могут быть созданы одним лицом. Наша страна не является пионером в легализации подобных субъектов права — «компаний одного лица» [3, с. 157-159; 12, с. 18-25, 222-224; 13, с. 97]. Но самое для нас важное, — по современному российскому праву определенные организационно-правовые формы юридических лиц могут не только не иметь более одного участника, но и не нанимать *работников*, т. е. не являться *организацией*, — «состоять» из одного лица, в том числе *физического*. Типичными для современной российской экономики примерами таких потенциально «неколлективных» видов юридических лиц — коммерческих организаций — являются *общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества*. Все это свидетельствует о существенном повышении в условиях рыночной экономики роли одной из функций юридического лица как особого юридико-экономического инструмента — функции *ограничения предпринимательского риска*. По общему правилу (абз. 1 п. 3 ст. 56 ГК РФ), «учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника». Это позволяет некоторым ученым утверждать, что «современное юридическое лицо — это персонифицированная ответственность субъекта, специально созданного для этой цели правовым строем. Самостоятельная имущественная ответственность — это главный и определяющий признак юридического лица» [13, с. 98].

Но нельзя огульно отвергать опыт советской юридической науки, хотя сфера его применения в современной реальности существенно сужается. Прежде всего, важно то, что господствующим, как отмечают специалисты [14, с. 27, 214; 15, с. 223], в отечественной цивилистике советского периода было мнение: юридическое лицо — субъект права, представляющий некую *социальную реальность* и имеющий *собственную волю*. С. Н. Братусь в рамках учения о юридическом лице как «коллективной личности» особо акцентировал внимание на соотношении *коллективной и индивидуальной воли*. Он, в частности, писал: «Юридическое лицо всегда предполагает определенным образом организованную связь людей. Так называемый имущественный субстрат не является решающим для характеристики юридического лица, но есть лишь проявление этой связи. Воля юридического лица как организованного коллектива — это не сумма отдельных человеческих волей, но санкционированная государством воля общественного образования, как единого целого» [2, с. 65]. С этими очень важными утверждениями, в принципе, следует согласиться, но в то же время даже эти абстрактные тезисы не лишены внутренних противоречий. С одной стороны, юридическое лицо — самостоятельный субъект права, обладающий *собственной волей*, а с другой стороны, личность юридического лица «коллективна», оно — «организация

как целостное коллективное образование». В продолжение сказанного приведем пример более радикальных (но возможных!) выводов из теории коллектива: «юридическое лицо представляет собой коллектив. Поэтому воля юридического лица не может быть ни чем иным, как волей коллектива: его руководителя и работников. Нет двух правовых явлений и соответствующих им двух понятий: государственного юридического лица и коллектива его работников. Коллектив — это и есть хозорган как субъект права. Коллектив не стоит за (вне) юридическим лицом, как нечто отличное от него, а является его сущностью» [16, с. 50].

Как уже видно, в рамках теории коллектива между учеными не царил единогласие. Так и по поводу *содержания вины юридического лица* обособились два основных подхода [14, с. 215; 17, с. 63]; их противоречия не преодолены до сих пор, а соответствующий спор не теряет своей актуальности в плане соотношения вины юридического лица и вины кого-либо (не только работника) из его субстрата. Сторонники первого направления считают, что вина юридического лица — явление *качественно отличное от вины его работников* (С. Н. Братусь, Т. И. Илларионова, Г. К. Матвеев, В. А. Ойгензихт, В. С. Якушев и др.) [2, с. 65-67; 3, с. 201; 14, с. 215-219; 18, с. 216-217, 227; 19, с. 236, 241; 20, с. 58-73; 15, с. 236-237]. Приверженцы противоположной точки зрения утверждают: вина юридического лица *качественно от вины его работников не отличается* (В. П. Грибанов, Н. С. Малейн, И. Н. Петров, Ф. Л. Рабинович, В. Т. Смирнов и А. А. Собчак и др.) [21, с. 340-341; 16, с. 50-70; 22, с. 111-116; 23, с. 12-64; 24, с. 82-87]. На наш взгляд, первый подход представляется более адекватным механизму правового регулирования.

Таким образом, вопрос о воле, о содержании вины юридического лица оказался для сторонников теории коллектива камнем преткновения, который обнажил глубинные противоречия данного учения: оно, по сути, констатировало реальность трудового коллектива, организации в целом, но не самого юридического лица. Б. Б. Черепанин по этому поводу, в частности, писал: «Представители теории коллектива приходят, таким образом, к отрицанию юридического лица как самостоятельного носителя прав и обязанностей, к отрицанию его реальности. Теория коллектива, как и теория директора, сближается в решении этого вопроса с теорией фикции» [25, с. 298].

Для преодоления этих проблем попробуем обратиться к другой теории (считавшейся в советской науке антагонистически противоположной и официально отвергавшейся), которая зародилась в Средние века и была развита в работах Фридриха Карла Савиньи (1779–1861) и других правоведов, — *теории юридической фикции (теории олицетворения)*.

Сторонником указанной теории был, в частности, Г. Ф. Шершеневич. Он следующим образом характеризовал правовое поведение юридического лица: «Обладая имущественной правоспособностью, юридическое лицо, как фиктивное, не имеющее возможности самостоятельно вступать в отношения с третьими лицами, совершать сделки, облекать их в форму, — нуждается, очевидно, в особых *представителях*, чьи действия могли бы считаться действиями юридического лица. Через посредство этих органов юридическое лицо приобретает права и принимает на себя обязанности. Представители, которых деятельность восполняет отсутствие дееспособности юридических лиц, выполняют свою задачу или в пределах указаний закона (публичное юридическое лицо), или в пределах данного им полномочия (частное юридическое лицо), которое, однако, не может выходить из границ цели, для которой существует юридическое лицо. В этих пределах юридическое лицо несет ответственность за действия этих органов» [26, с. 93]. Это краткое описание сути юридического лица с позиций «олицетворения», не считая некоторых спорных моментов, актуально с практической точки зрения по сей день. Одним из серьезных, на наш взгляд, недостатков данного высказывания является отказ юридическому лицу в «возможности самостоятельно вступать в отношения с третьими лицами» и использование без

всяких оговорок для компенсации такой «врожденной и неизлечимой» недееспособности механизма гражданско-правового представительства.

С подобными противоречиями боролся, в частности, Н. Н. Алексеев. Он решительно критиковал методологический подход так называемого *идеалистического позитивизма*, часто выступавшего философской основой теории фикции. Н. Н. Алексеев ссылался на массу аргументов *гносеологического* толка, доказывающих несостоятельность данной школы. Но важнее, на наш взгляд, доказательство *онтологического* характера, применяемое ученым для критики указанного подхода к характеристике права. Он писал: «Теория фикций имеет дело преимущественно с положительным правом, в котором момент установленности не может не занимать преобладающего значения», — но механизм правового регулирования (как бы мы сейчас сказали) выходит «за пределы простой условности и установленности» [27, с. 55].

Свой диалектический подход к раскрытию сущности правовых феноменов Н. Н. Алексеев использовал для анализа института «лиц» в юриспруденции. Его методологическая парадигма — различение идеи лица как правового *деятеля* и идеи лица как *ценности*: «Такова, например, ценность хозяйственного самоопределения отдельных лиц и союзов частноправового характера. Считая их субъектами права, современный правопорядок санкционирует, охраняет и защищает идею частной хозяйственной автономии» [27, с. 85]. И далее ученый писал: «И платоновский «большой человек», и государство, и общество, и даже любая фикция, конструкция и гипотеза могут быть признанными правопорядком ценностями. Однако, ценности эти ни в их идеях, ни в их реализациях, не могут быть ни этическими, ни юридическими деятелями» [27, с. 86]. Волюнтаризм в признании той или иной «ценности» субъектом права абсурден — такой вывод с необходимостью должен основываться на онтологической способности или неспособности к деятельности.

Следует понимать, что абстрактное лицо является правовой ценностью, т. е. (что самое важное) адресом исполнения разнообразных обязанностей и (уже вследствие этого) адресом разнообразных требований [27, с. 86]. Фактически же, т. е. объективно реально, права и обязанности абстрактного лица реализуются людьми в их эмпирической данности, индивидуумами, которые, даже вступая в социальное общение «во имя» абстрактного лица, не теряют известной автономии своей воли. Вот именно в сознании таких конкретных людей и кроется, по мнению Н. Н. Алексеева, решение обозначенной проблемы: «Разница между поведением лица, выступающего «за себя», и поведением лица, действующего «за другого», «во имя другого», «в интересах другого», есть разница в принципах и основах действий и разница в мотивации. С точки зрения лица как носителя актов, к этой разнице и сводится весь спор о так называемых юридических лицах. Сами юридические лица не могут совершить актов, если только они не являются самостоятельными, живыми и способными к деятельности признания существами» [27, с. 95]. Позицию Н. Н. Алексеева следует считать *юридическим номинализмом*, хотя, как писал сам ученый, «неправильно думать, что такой взгляд является утверждением крайнего юридического номинализма... Напротив, мы всячески склонны защищать актуальность «всеобщего» в праве, но только мы не считаем возможным приписывать ему способность совершать акты в юридической жизни» [27, с. 95].

Таким образом, Н. Н. Алексеев отходит несколько дальше от противоречий Г. Ф. Шершеневича: обосновывается реальность юридического лица в плоскости правовых отношений, в сфере социальных ценностей. Следовательно, даже незначительно умерив средневековый *номинализм*, возможно с позиций «недееспособности юридического лица» прийти к его *реальности* в определенной сфере жизни общества — в *сфере правовых отношений*. С другой стороны, Н. Н. Алексеевым более удачно, чем Г. Ф. Шершеневичем, показан принцип диалектического взаимодействия индивидуальной воли и воли юридического лица: первая формирует вторую, но в то же

время служит ей, подчиняясь целям юридического лица. Однако, на наш взгляд, такого «микроанализа» данной проблемы не достаточно для ее полного решения, на этом этапе познания можно лишь говорить о принципиальном раскрытии взаимодействия индивидуального сознания фактического исполнителя и надличностных, надколлективных интересов юридического лица, признанных правопорядком. Раскрыто (и то абстрактно) лишь одно отношение сложнейшего социального феномена. Для целей настоящего исследования необходим «макроанализ» упомянутого явления: каким образом формируется, изъясняется воля юридического лица, что представляет собой, например, его вина как правонарушителя?

Сделаем небольшое философское отступление, которое обозначит методологический фундамент дальнейших размышлений. *Бытие* как наиболее универсальная (в паре с *небытием*, конечно) философская категория включает в себя все многообразие реальных явлений, исторически доступных человеческому познанию. Для специального научного исследования важнейшее методологическое значение имеет классификация типов реальности, упорядочение их в определенную иерархию. Последнее, кстати, по мнению А. Г. Спиркина, пока никем еще не сделано ни в одной области знания [28, с. 255]. В самом общем виде в целях дальнейшего анализа нас устроит известное деление бытия на три уровня, которое провел неопозитивист К. Поппер: а) бытие *материи*, б) мир индивидуальной *психики*, в) мир «объективного духа», т. е. надличностного, *общественного сознания* [28, с. 255].

Юридическое лицо реально, реальна его воля, хотя и то и другое производны от человека, человеческого сознания. Причем жизненная сфера юридического лица — это общественное сознание, правоотношения, в которых оно является. Однако юридическое лицо реально не только в качестве определенной социально-правовой *ценности*, юридического средства, но и как *деятель*, субъект права и правоотношений, обладающий собственными интересами, волей и способный своими действиями эти интересы реализовать (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ). Основной онтологической предпосылкой существования юридического лица является, на наш взгляд, именно его *юридически обособленная воля*. И. А. Покровский писал: «Юридическое лицо не есть нечто мертвое и безжизненное; оно является, напротив, некоторой живой клеточкой социального организма. Эту жизненность, активность придает ему, как и физическому лицу, *воля* – воля корпорации или воля учредителя, продолжающая одушевлять созданное им учреждение. Забвение этого живого элемента составляет основной порок теории фикции, толкавший юриспруденцию неоднократно на ложный путь» [29, с. 157. См. также: 30, с. 141-142, 161-163, 165-166, 182].

Волю юридического лица следует рассматривать как *функциональную систему*, принципиальную схему которой предложил в своих трудах П. К. Анохин [31, с. 87-97; 32, с. 158-180, 183]. Не случайно он, подчеркивая универсальность указанной схемы, отмечал продуктивность использования теории функциональной системы для анализа поведения человека на всех ступенях эволюции, а кроме того, возможность ее применения для создания искусственного интеллекта [31, с. 113, 120-124; 32, с. 157].

Фундаментальным принципом гражданского права является принцип *автономии воли*. Данный принцип в силу своей универсальности определяет и сущность юридического лица. Эта суть в *автономии его воли*, в *юридическом обособлении* последней, что позволяет относиться к этому деятелю, ни материально, ни психологически не реальному, как к самостоятельному и реальному *субъекту права*. Здесь очень важен эффект юридического *признания* за определенным образом организованной волей, в том числе, волей «коллективной» *юридической личности*. А «лицетворить», законодательно уравнивать такую волю с волей физического лица позволяет их общая архитектура, которую П. К. Анохин отразил в схеме функциональной системы. Исходя из сказанного и не претендуя на «истину в последней инстанции», можно предложить следующее определение юридического лица.

Юридическое лицо — это *обособленная в установленной законом форме воля лица или группы лиц, которая признается самостоятельным носителем прав и обязанностей*, то есть субъектом права.

Предлагаемый нами способ определения понятия «юридическое лицо» является *генетическим*, т. е. указывающим на происхождение предмета, на путь его образования, что немаловажно для раскрытия сути данной «искусственной личности». Следует подчеркнуть, что в отечественной литературе неоднократно указывалось на особое значение *акта признания* со стороны правопорядка (государства) за неким деятелем *статуса субъекта права*, но при этом все же отмечалась решающая роль собственных, внутренних качеств данного деятеля в соответствующем правоустанавливающем процессе [27, с. 55, 74, 86, 94; 2, с. 68-71; 4, с. 54-55].

Таким образом, юридическое лицо по своей сути — диалектическое единство *воли и ее правовой формы*. Воля юридического лица формируется, естественно, конкретными людьми, обладающими индивидуальностью, относительной свободой, собственными интересами. Закон регламентирует эту волю, придает ей приемлемую для общества форму, оставляя при этом возможности и для локального правотворчества. Речь идет о придании указанной воле закрепленной законодателем *организационно-правовой формы юридического лица*. Это позволяет в необходимой степени обособить волю последнего, сделать ее в известном смысле *отчужденной* от личностей фактических носителей — физических лиц [12, с. 17, 221; 33, с. 146-152; 25, с. 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права. Сборник статей. М.: Городец, 2000. С. 81-112.
2. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М.: Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1947.
3. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1950.
4. Советское гражданское право: субъекты гражданского права / Под ред. С. Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1984.
5. Гражданское право. Учебник. Часть 1. Изд. третье, переработанное и дополненное / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998.
6. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
9. Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб: Питер, 2001.
10. Федеральный закон РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
11. Федеральный закон РФ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
12. Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997.
13. Богданов Е. В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. № 10. С. 97-101.
14. Илларионова Т. И. Основания внедоговорной ответственности организаций. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.
15. Якушев В. С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1973.
16. Малейн Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968.
17. Варул П. А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллинн: Ээсти раамат, 1986.

18. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Изд-во Киевского государственного ун-та, 1955.
19. Матвеев Г. К. Основания гражданскоправовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970.
20. Ойгензихт В. А. Юридическое лицо и трудовой коллектив: Сущность. Поведение. Ответственность. Учебное пособие. Душанбе: Таджикский государственный ун-т, 1988.
21. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.
22. Петров И. Н. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. М.: Юридическая литература, 1974.
23. Рабинович Ф. Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия. М.: Юридическая литература, 1975.
24. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1983.
25. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.
26. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995.
27. Алексеев Н. Н. Основы философии права. Учебник. СПб.: Лань, 1999.
28. Спиркин А. Г. Философия. Учебник. М.: Гардарики, 1999.
29. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Статут, 2001.
30. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000.
31. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
32. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980.
33. Функ Я. И., Михальченко В. А., Хвалей В. В. Акционерное общество: история и теория (диалектика свободы). Минск: Амалфея, 1999. 608 с.

*Николай Михайлович Добрынин —
заместитель губернатора Ханты-
Мансийского автономного округа,
кандидат юридических наук, доцент*

УДК 342.24

ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ НОВОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются структурные и системные характеристики новой модели организации российского государства, предлагается концепция региона нового типа — в виде губернии — как базисного элемента системы нового федерализма.

The author considers structural and systemic characteristics of the new model of Russian state and offers his concept of a new type region — a «gubernia» as a basic element of new federalism system.